

ОБРАЗ РЕБЕНКА В ЛИРИКЕ ИРИНЫ КНОРРИНГ

Аннотация. Предмет исследования – образ родного ребенка в зрелой лирике поэтессы первой волны русской эмиграции Ирины Кнорринг. Лирика Ирины Кнорринг автобиографична и исповедальна. Главной темой творчества является семья, любовь к мужу – поэту Юрию Софиеву и сыну Игорю. Материнство выступает спасением в трагическом безрадостном эмигрантском существовании и единственным смыслом жизни на чужбине. Источниками анализа послужили дневниковые и биографические материалы.

Лирика И. Кнорринг репрезентирует повседневную жизнь, будничную обстановку, банальность и обыкновенность. В анализируемых стихотворениях представлены оппозиции «свое/чужое», «быт/бытие», «обустроенность/необустроенность», «уют/отсутствие уюта». Пристальное внимание Ирины Кнорринг к быту объясняется и литературными, и личностными факторами. Сахарный диабет заставил поэтессу отдалиться от поэтического круга, она вела замкнутый образ жизни, ограниченный только «домашними заботами».

В стихотворениях представлены непривлекательные образы супругов Кнорринг. В маленьком сыне, напротив, подчеркиваются внешняя красота и нравственная чистота. Часто лирическая героиня описывает спящего сына. Она любит наблюдать за ним, лежащим в колыбели, и хочет продлить детство сына. Нежелание взросления сына, страх опустевшего дома-гнезда связаны с напоминанием о приближающейся смерти. В стихотворениях показана тесная духовная связь матери и маленького сына, безусловная и жертвенная любовь к ребенку, которая сильнее требовательной любви к мужу.

Результаты исследования позволяют прийти к выводам, что лирика Кнорринг развивалась в русле классической русской поэзии XVIII–XIX вв., в которой материнство является главным предназначением женщины. Изображая в стихотворениях бытовые проблемы, предметность и материальность, Кнорринг подчеркивает близость к акмеистическому мировидению. Также она вписывается в эмигрантскую поэтику «парижской ноты» темами обреченности и пессимизма, скитальчества и болезни.

Лирика Кнорринг показывает неустроенный быт эмигранта, судьба которого и осложнена и спасена заботой о сыне. Представленный материал может быть использован в вузовском преподавании при чтении курсов по литературе русского зарубежья.

Ключевые слова:
образ ребенка; ли-
тературные образы;
русская литература;
русские поэтессы; по-
этическое творчество;
материнство; семей-
ное воспитание.

THE IMAGE OF A CHILD IN THE LYRICS OF IRINA KNORRING

Abstract. Object of research – an image of the own child in lyrics of the poetess of the first wave of the Russian emigration Irina Knorring.

Irina Knorring's lyrics are autobiographical. The main theme – is the family, love for her husband-poet Yuri Sofiev and son Igor. Motherhood is the salvation in the tragic, joyless emigre existence and the only meaning of life in a foreign land. The sources of the analysis were diaries and biographical materials.

I. Knorring's lyrics represent everyday life and banality. Irina Knorring's close attention to everyday life is explained by both literary and personal factors. Diabetes mellitus caused the poetess to move away from the poetic circle, she led a closed life, limited only by "household chores".

The poems present unattractive images of the spouses Knorring. In the little son, on the contrary, external beauty and moral purity are emphasized. Often the lyrical heroine describes a sleeping son. She likes to watch him lying in the cradle and wants to extend her son's childhood. The fear of the empty nest-house is connected with the reminder of the approaching death. The poems show a close spiritual connection between a mother and a young son, unconditional and sacrificial love for a child, which is stronger than demanding love for her husband.

The results of the study allow us to conclude that the lyrics of Knorring developed in line with the classical Russian poetry of the XVIII–XIX centuries, in which motherhood is the main purpose of women. In the poems depicting domestic problems, the objectivity and the materiality Knorring emphasizes the proximity to acmeism. It also fits into the émigré poetics of the Paris note with themes of doom and pessimism, wandering and disease.

The lyrics of Knorring shows the unsettled life of the emigrant, whose fate is complicated and saved by the care of his son. The presented material can be used in University teaching when reading courses on literature of Russian abroad.

Keywords:
image of a child; lit-
erary images; Russian
literature; Russian po-
etess; poetic creativity;
motherhood; family
education.

Благодарности: Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 17-34-00017-ОГН «Версии бытия / небытия в литературе русского зарубежья: пространственная поэтика»

Acknowledgments: The research is accomplished under financial support of Russian Foundation for Basic Research, project № 17-34-00017-OGN "Versions of Being / Non-Being in Russian Foreign Literature: Spatial Poetics"

Для цитирования: Сафонова, Е. А. Образ ребенка в лирике Ирины Кнорринг / Е. А. Сафонова // Филологический класс. – 2019. – № 1 (55). – С. 170–174. DOI 10.26170/fk19-01-25.

For citation: Safonova, E. A. The Image of a Child in the Lyrics of Irina Knorring / E. A. Safonova // Philological Class. – 2019. – № 1 (55). – P. 170–174. DOI 10.26170/fk19-01-25.

«Родительская парадигма» не получила широкого распространения в женской поэзии эмиграции первой волны [Сваровская 2008: 67]. Можно лишь упомянуть «Стихи к сыну» Марины Цветаевой [Цветаева 2016: 58]; трагичные стихотворения, написанные на смерть дочери Е. Ю. Кузьминой-Караваевой [Монахиня Мария 1994: 85]; стихотворения о желанном, но невозможном материнстве Е. Бакуниной [Ходасевич 1931: 3] и Л. Червинской:

*«Холодно. Тоска бездетная
Вновь протягивает руку
Под октябрьским, под дождем...*

*А цыганское, рассветное
Предвещает ту разлуку,
Для которой все живем» [Червинская http].*

Особое место в поэзии молодого поколения первой волны русской эмиграции занимает творчество Ирины Кнорринг, в лирике которой темы любви и семьи, напротив, являются репрезентативными.

Недолгий жизненный путь поэтессы был полон драматизма. В 1919 г. ее семья была вынуждена бежать из России, в 1925 г. после многочисленных переездов Кнорринги оказались в Париже. В 1928 г. Ирина вышла замуж за Юрия Бек-Софиева – русского поэта, а в 1929 г. у пары родился сын Игорь. Незадолго до этого у Ирины диагностировали сахарный диабет, с которым она боролась до конца жизни. Ирина умерла в 1943 г. в возрасте 36 лет [Крейд 2004].

В работе мы рассмотрим зрелое творчество И. Кнорринг, в котором тема материнства и образ родного ребенка являются ключевыми [Кнорринг 2009]. Изучение темы исследования основывается на применении следующих методов: культурно-исторического, биографического, структурно-семиотического.

В основе стихотворений – биографическая судьба самой поэтессы, поэтому мы можем говорить о максимальном сближении автора и лирической героини [См.: Демидова 2015]. Сын Игорь появился на свет в тот момент, когда Ирина уже успела заявить о себе как поэтесса, однако обострение болезни отдалило ее от поэтического круга, отныне она занималась лишь «домом». Лирика Кнорринг отражает патриархальное понимание супружеских отношений. Лирическая героиня говорит о счастливых моментах семейной жизни, о простых вещах, составляющих ее домашний очаг:

*«Просто, без слез и проклятий,
С горстью наивных стихов,
В стареньком ситцевом платье,
В темной тоске вечеров,
С запахом лука и супа,
В кухонном едком чаду –
Женщиной слабой и глухой
Тихо к тебе подойду» [Кнорринг 2014: 500].*

Обращает на себя внимание, что «наивные стихи» не выделяются из ряда других деталей домашнего быта,

составляющих жизненное пространство. Будильник, остывший ужин, холодный суп, немытая посуда, иголки, газета передают прозаичность обстановки (стихотворения «Рассвет», «Сентиментальностей не нужно», «Так – кружусь в назойливом круженье», «Жизнь идет – и, слава Богу»).

Многие стихотворения посвящены мужу – Юрию Софиеву. С годами в них усиливаются мотивы невозможности личного счастья, обреченности существования и скорого конца. Лирическая героиня отчаянно ищет понимания любимого человека, но ее болезнь отдаляет их друг от друга:

*«Бледной, неряшливой, очень и очень усталой
Снова, как прежде, я молча к тебе подошла.
Видишь, какой я теперь некрасивою стала.
Жизнь обтрепала, обжулила и – предала»*

[Кнорринг 2014: 593].

Обострение печальных мотивов обусловлено горестным осознанием того, что болезнь уродует тело, лишает красоты. Героиня пытается принять свое нынешнее состояние. Ей оскорбительно сочувствие к себе, но в то же время раздражает и отсутствие сострадания со стороны мужа.

Образ мужа в стихотворениях не привлекателен, впрочем, как и собственный образ; требовательная любовь к мужу сопряжена с мотивами разочарования и страдания. Любовь к сыну, напротив, придает смысл жизни, делает ее насыщенной:

*«Пар над чашками, тетрадь, вязанье...
Вечер скуден, как огонь свечи.
– Ну, поговорим о «несказанном»,
Или так стихи побормочи. <...>*

*Голос твой – нерадостный, не звонкий,
Взгляд усталый, скучный и больной.
Если б не было у нас ребенка,
Мы давно бы умерли с тобой» [Кнорринг 2014: 491].*

Творчество притеснено бытовыми проблемами, стихи не декламируют, а бормочут, как будто им нет места. Вспоминается стихотворение другого эмигранта – А. Штейгера: «Не до стихов... Здесь слишком много слез» [Поэзия русского зарубежья 2001: 292].

В тексте нет ярких метафор, что подчеркивает блеклость и серость окружающего мира. Беспросветность эмигрантской семейно-бытовой жизни может привести к распаду брака, духовной связи и физической смерти героев, но супруги видят спасение в своем родительском назначении.

При рождении сына любовь к мужу у Кнорринг отходит на второй план. Своего сына она любит безусловной любовью и дарит ему заботу и ласку. Известно, что врачи запрещали поэтессе иметь детей, опасаясь за ее жизнь. Материнство поэтесса считает «призрачным и зыбким счастьем», «чудом», «сном наяву». Не случайно Ю. С. Степанов видел этимологическую близость слов «радость» и «родить» [Степанов 1997: 311]. И. Кнорринг

не мечется между ребенком и творчеством, ведь материнство – главная ценность:

*«Мне ничего не жаль. И я готова
Закрывать навеки заветную тетрадь.
Чтоб больше никогда не раскрывать
Дневник существования пустого.*

*За тихое, коротенькое слово,
За самое простое слово – мать»* [Кнорринг <http>].

(«Еще до рождения 1928).

Сыну посвящены многочисленные стихотворения: «Дождь», «Все о том же – о мутных глазах», «Награда», «Я знаю, как печальны звезды», «В деревне», «Все это я, еще быть может», «Жужжит комар назойливо и звонко» и др.

Во внешности маленького сына часто подчеркиваются голубые глаза, белокурые волосы, пухлые губы:

«Неразрывный и замкнутый круг.

Кроме этого синего взгляда,

Этих детских беспомощных рук –

Ничего мне на свете не надо» [Кнорринг 2014: 479].

Поэтесса показывает не только визуальную красоту ребенка и его беспомощность, но и его духовную сущность, акцентируя внимание на чистоте сына. Она говорит о пока еще «нерасцветшей душе ребенка», нравственно его идеализируя.

Мир гармонии и позитива воссоздан в стихотворении «В деревне». На лоне природы ощущается тесная духовная взаимосвязь матери и сына.

С рождением сына весь мир преображается, неуютное пространство становится родным:

«Вечерами в комнате отельной,

Всю ее внезапно полюбя,

Я ласкаю песней колыбельной

Слабого и нежного тебя» [Кнорринг <http>].

Уют дому придают абжур, старые незатейливые игрушки: волчок, мячик, бесхвостый облупленный конь («Я люблю заводные игрушки»).

В стихотворении «Пока грят на елке свечи» детство ассоциируется с запахом новогодней елки и воском свечей. Однако детскость противопоставляется взрослости. Если сын в новогодний праздник «впадает в веселую лень», то мать – в «старческую лень». Описание контрастное: у него – горящие восторженные глаза, у нее – сгорбленные под тяжестью плечи.

С годами И. Кнорринг все больше переживает о судьбе сына, которого может рано покинуть. В стихотворении «Мне приснился опять ряд больничных кроватей» она молит о том, чтобы жизнь ее продлилась:

«Не боюсь я тупой, одинокой кончины

(Ведь и жизнь веселей не была).

Только мысль о беспомощно брошенном сыне...

Только... Ночь я, всю ночь не спала.

Все смотрела на пухлые детские губы,

Суеверно крестила кровать.

Нет, сейчас, в этой жизни, и стыдной, и грубой,

Не хочу, не могу умирать» [Кнорринг <http>].

В стихотворении негативно представлено замкнутое пространство больницы, ограниченное и телесной немощью, и душевным состоянием героини. Кнорринг – не религиозный поэт, она не искала утешения в

вере, и здесь молитвенный жест назван предрассудком. Однако сон и болезнь являются переходными состояниями между жизнью и смертью; именно в этой пограничной кризисной ситуации у лирической героини спонтанно появляется потребность в защите высшей силы.

Желание защитить сына прослеживается в стихотворении «Помню, – поезд бесшумно рвануло» о поезде сына к морю. Для поэтессы даже краткое расставание с ребенком болезненно. В разлуке она ощущает «гнетущую пустоту», понимая, что вскоре разлучится с ним навсегда.

Лирическая героиня, вспоминая сына, представляет его спящим. Стихотворение предваряет эпиграф «Стану думать, что скучаешь / Ты в чужом краю» из «Казачьей колыбельной песни» М. Ю. Лермонтова. Мотивная логика лермонтовской колыбельной следует логике традиционных колыбельных песен. В народных же представлениях ребенок был до срока огражден сакрально охраняемым пространством колыбели [Сахарова 2016: 50]. Часто упоминаемый образ спящего ребенка говорит о подсознательном желании Кнорринг защитить сына.

Образ ребенка у Лермонтова уподобляется ангелу, но есть и антитетичный ему демонологический образ из чужого мира – «злой чечен». В стихотворении И. Кнорринг ребенок также находится в чужом краю – чуждом пространстве, даже его французская речь – неродная. С этим связаны переживания героини, она понимает, что пространство Франции для ее ребенка вдвойне опасно.

Лирическая героиня переживает, что своей преждевременной смертью причинит сыну боль:

«Что скажу я маленькому сыну?

Чем себя посмею оправдать?

– Если я сейчас тебя покину,

Значит, я была плохая мать» [Кнорринг <http>].

Поэтесса боится, что сын осудит ее бессилие, в то же время она понимает, что сыновья нуждаются в матери лишь, когда они маленькие. Вырастая, дети живут своей жизнью. Часто лирическая героиня мысленно представляет себе взрослого сына:

«С каждым годом – все дальше и дальше.

Так и будет – больней и больней,

Сероглазый, беспомощный мальчик

Скоро выйдет из жизни моей» [Кнорринг <http>].

Поэтесса не пишет, что сын скоро выйдет из родительского дома, она использует перифразу «выйдет из жизни моей». Образ дома-гнезда семантически сближается с жизнью лирической героини. С возрастом духовная связь между сыном и матерью стирается, поэтому в стихотворении большой своенравный сын противопоставлен маленькому беспомощному мальчику. Покинутый ребенком дом назван «холодным, безмолвным, пустынным», его не заполняют памятные вещи. Это безжизненное пространство сопоставимо и с самой лирической героиней – молчащей и пустой. Так в стихотворении воссоздается ассоциативная цепочка: «я – дом – сын – жизнь».

Желание продлить детство сына, поскольку его взросление напоминает о приближающейся смерти, актуализируется и в других стихотворениях:

«А я? А все – мои – затеи?»

О чем грустить? О чем молчать?»

Чем старше сын, чем он сильнее, –
Тем больше умирает мать» [Кнорринг http]
(«Вот это я еще, быть может»).

В лирике военного периода своему повзрослевшему сыну И. Кнорринг дает последние наставления:

«Живи не так, как я, как твой отец,
Как все мы здесь, – вне времени и жизни.
Придет такое время, наконец, –
Ты помянешь нас горькой укоризной.

Что дали мы бессильному, тебе?
Ни твердых прав, ни родины, ни дома.
Пойдешь один дорогой незнакомой
Навстречу странной и слепой судьбе» [Кнорринг http].

Следует отметить, что традиционно в женской военной лирике часто подчеркивается сходство сына с отцом, сын является продолжателем дела отца, наследует его внутренние и внешние качества, следует модели его поведения. И. Кнорринг, напротив, не желает, чтобы сын походил на отца, несмотря на то, что Ю. Софиев принимал участие во Французском Сопротивлении [Денисова http].

Лирическая героиня подчеркивает, что ее существование было похоже на пограничное состояние вне времени и жизни. Она понимает, что сын упрекнет ее за оставленную Россию и скитальчество в чужой стране. Поэтесса представляет мир детства как отгороженное от бед время и пространство, и она знает, что выходя во взрослую жизнь, сыну предстоит пройти много испытаний. Кнорринг не пишет, чтобы сын вернулся в Россию, но предполагает, что свой новый дом он может обрести в другой стране. Она уверена, что для нового поколения границы расширятся, и судьба сына сложится лучше, чем ее собственная. Сын освоит традиции межкультурного общения, преодолит закрытость и изоляцию.

В последние два с половиной года жизни Ирина Кнорринг стихов практически не писала, но незадолго до смерти она составила отдельную тетрадь со стихами, посвященными сыну – «Стихи о тебе и для тебя» с надписью «Игорю – мама». Последнее стихотворение в тетради – «Жизнь прошла, отошла, отшумела...»:

«Больше нет ни желанья, ни силы...
Значит – кончено все. Ну, – и что ж?
– А когда-нибудь, мальчик мой милый,
Ты стихи мои все перечтешь.

После радости, и катастрофы, –
После гибели, – после всего, –

Весь мой опыт – в беспомощных строфах.
Я тебе завещаю его» [Кнорринг http].

Это стихотворение создает ощущение исчерпанности жизни. В 33 года Ирина Кнорринг чувствовала себя старухой. Она не оставила сыну наследства, но наградила его бесконечной жертвенной любовью¹.

Таким образом, лирика Ирины Кнорринг развивалась в русле классической русской поэзии. Скорее, она продолжает традиции женской поэзии XVIII–XIX вв., в которой представлен устойчивый образ материнства. Изображая в стихотворениях реальный мир, бытовые проблемы, предметность и материальность, придавая большое значение ясности и завершенности произведения, точности реалистической художественной детали, Кнорринг подчеркивает свою склонность к акмеизму. Не случайно ее лирику высоко оценила А. Ахматова: «Это простые, хорошие и честные стихи» [Цит. по: Соколова 2010: 63]. Также она вписывается в эмигрантскую поэтику «парижской ноты» темами обреченности и равнодушия, максимальной откровенностью, дневниковостью, исповедальностью, составляющими эстетику «человеческого документа» [Ратников http].

Авторитетный критик русского зарубежья В. Ходасевич ругал «женскую поэзию» И. Кнорринг за излишнюю автобиографичность, но в то же время ценил ее за человечность: «...женщинам свойственно более полагаться на личный опыт, нежели на доводы, созданные теорией. Отсюда – почти неизбывный интимизм женского стихотворства, так же как его формальный дилетантизм, нередко подчеркиваемый умышленно, не без капризного оттенка. Не отрицаю, во всем этом есть нечто подкупающее, ибо всякая непосредственность подкупает» [Ходасевич 1931: 3].

Лирика Ирины Кнорринг занимает уникальное место среди женской поэзии эмиграции. Она отражает человека эпохи – забытого эмигранта, погибающего от тоски, социальных и бытовых проблем, судьба которого одновременно осложнена и спасена семейной жизнью и заботой о ребенке. Внешняя простота стихотворений не умаляет достоинства поэзии Кнорринг, главные из которых искренность и душевность.

¹ Следует сказать о судьбе сына Игоря. В возрасте 26 лет, через 12 лет после смерти И. Кнорринг, он уехал вместе с женой, сыном, отцом и дедом в Советский Союз и обосновался в Алма-Ате. Игорь Юрьевич Софиев был известным переводчиком, публицистом, увлекался этнографией. Умер в 2005 году. В настоящее время семейный архив Кнорринг хранит вдова Игоря Софиева – Надежда Чернова, русская поэтесса и публицист, издавшая книги о любви И. Кнорринг и Ю. Бек-Софиева [Чернова 2006; Чернова 2011].

ЛИТЕРАТУРА

- Демидова О. Р. Дневник Ирины Кнорринг как женская исповедь // Slavica Wratislaviensis. CLX. Wrocław. – 2015. – 11 с.
Денисова О. Е. Жизнь и творчество Ю. Б. Софиева: историко-литературный аспект: автореферат дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01. – Орел, 2015. – 23 с.
Кнорринг И. Н. Золотые миры / сост. Н. Кнорринг; вступит. статья Н. Черновой. – Алматы: Б.и., 2014. – 807 с.
Кнорринг Ирина. Стихи о тебе и для тебя [Электронный ресурс]. – Режим доступа: amkob113.ru/knorring (дата обращения: 28.08.2018).

REFERENCES

- Demidova O. R. Diary of Irina Knorring as a women's confession // Slavica Wratislaviensis. CLX. Wrocław. – 2015. – 11 p.
Denisova O. E. The life and work of Yu. B. Sofieva: historical and literary aspect: thesis abstract ... Candidate of Philology: 10.01.01. – Orel, 2015. – 23 p.
Knorring I. N. Golden worlds / compiler N. Knorring; introductory article by N. Chernova. – Алматы: B.i., 2014. – 807 p.
Knorring Irina. Poems about you and for you [Electronic resource]. – Mode of access: amkob113.ru/knorring (date of access: 28.08.2018).

- Кнорринг И. Н. Повесть из собственной жизни: в 2 т. – М.: Аграф, 2009. – 608 с.
- Крейд В. П. Кнорринг Ирина Николаевна (1906–1943) // Новый исторический вестник. – 2004. – № 10. – С. 137–140.
- Монахиня Мария. Стихи. – Берлин: Петрополис, 1936 (1994). – 103 с. – (Репринтное издание).
- Поэзия русского Зарубежья / сост. О. И. Дарк. – М.: СЛОВО / SLOVO, 2001. – 800 с.
- Ратников К. В. «Парижская нота» в поэзии русского зарубежья: монография. – Челябинск, 1998. – 168 с.
- Сахарова О. В. Религиозно-поэтическое мирозерцание М. Ю. Лермонтова: образ ангела: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01. – М.: МГУ, 2016. – 295 с.
- Сваровская А. С. Чувство родовой сопричастности в лирике первой волны русской эмиграции // Русская литература в XX веке: имена, проблемы, культурный диалог. – 2008. – № 9. – С. 67–91.
- Соколова В. А. Мотивы лирики И. Ф. Анненского и А. А. Ахматовой в творчестве Ирины Кнорринг (разветвленность поэтической родословной) // Вестник Новгородского государственного университета. – 2010. – № 56. – С. 62–66.
- Степанов Ю. С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. – 324 с.
- Ходасевич В. «Женские стихи» (Кнорринг и Бакунина) // Возрождение. – 1931, 25 июня. – № 2214. – С. 3.
- Цветаева М. Летящие листья. Стихи. – М.: Искатель, 2016. – 64 с.
- Червинская Л. Стихотворения из книги «Рассветы» 1937 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: litresp.ru/chitat/ru/Ч/chervinskaya-lidiya-davidovna/stihotvoreniya (дата обращения: 28.10.2018).
- Чернова Н. М. Поговорим о несказанном: фантазии о любви Ирины Кнорринг и Юрия Софиева. – Алматы: Небесный дом, 2006. – С. 393–354.
- Чернова Н. М. Птица, залетевшая к ангелам: документальный роман. – Алматы: Седьмая верста, 2011. – 388 с.
- Knorring I. N. Tale of his own life: in 2 vol. – М.: Agraf, 2009. – 608 p.
- Kreid V. P. Knorring Irina Nikolaevna (1906-1943) // New Historical Messenger. – 2004. – № 10. – P. 137–140.
- The nun Maria. Poems. – Berlin: Petropolis, 1936 (1994). – 103 p. – (Reprint Edition).
- Russian poetry abroad / compiler O. I. Dark. – М.: SLOVO, 2001. – 800 p.
- Ratnikov K. V. "Paris Note" in the poetry of Russian emigre: monograph. – Chelyabinsk, 1998. – 168 p.
- Sakharova O. V. The religious-poetic outlook of M. Yu. Lermontov: the image of an angel: dis. ... Candidate of Philology: 10.01.01. – М.: MSU, 2016. – 295 p.
- Svarovskaya A. S. Sense of generic involvement in the lyrics of the first wave of Russian emigration // Russian literature in the 20th century: names, problems, cultural dialogue. – 2008. – № 9. – P. 67–91.
- Sokolova V. A. Motives of the lyrics by I. F. Annensky and A. A. Akhmatova in the works of Irina Knorring (branched poetic pedigree) // Bulletin of Novgorod State University. – 2010. – № 56. – P. 62–66.
- Stepanov Yu. S. Constants. Dictionary of Russian culture. Research experience. – М.: School "Languages of Russian Culture", 1997. – 324 p.
- Khodasevich V. "Women's Poems" (Knorring and Bakunin) // Revival. – 1931, June 25. – № 2214. – P. 3.
- Tsvetaeva M. Flying leaves. Poems. – М.: Iskatel', 2016. – 64 p.
- Chervinskaya L. Poems from the book "Sunrises" 1937 [Electronic resource]. – Mode of access: litresp.ru/chitat/ru/Ч/chervinskaya-lidiya-davidovna/stihotvoreniya (date of access: 28.10.2018).
- Chernova N. M. Let's talk about the inexpressible: fantasies about love by Irina Knorring and Yuri Sofiyev. – Almaty: Heavenly House, 2006. – P. 393–354.
- Chernova N. M. The Bird Flown to the Angels: A Documentary Novel. – Almaty: Seventh milestone, 2011. – 388 p.

Данные об авторе

Сафонова Екатерина Анатольевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русской литературы историко-филологического факультета, Томский государственный педагогический университет (Томск).

Адрес: 634057, Россия, г. Томск, ул. Карла Ильмера 15/1.

E-mail: Safonova_k@mail.ru.

Author's information

Safonova Ekaterina Anatol'evna – Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of Russian Literature, Faculty of History and Philology, Tomsk State Pedagogical University (Tomsk).